

Литературная СТРАНИЦА

Н. Север

Федор Волков

Артист Ярославского театра имени Ф. Г. Волкова
Николай Михайлович СЕВЕР.

Артист театра имени Ф. Г. Волкова Н. М. Север написал пьесу о замечательном русском актере, основателе первого русского театра Федоре Григорьевиче Волкове. Театр принял эту пьесу к постановке. Вниманию читателей предлагается отрывок из пьесы «Федор Волков» — первая картина.

Берег Волги. Луна. Слева видна стена длинного деревянного сарая. С реки доносится песня бурлаков. Сам берег реки скрыт пригорком. Песня бурлаков: (Кто-то запекает высоким голосом):

Что по-над Волгой
Пески сыпучи,
Камни горюхи
От слез сиротских,
От солнца,
От ветра,
От непогоды.
(Все бурлаки подхватывают):
Тя-нем, по-тя-нем,
Хозяину служим,
Взяли, ой, взяли,
Ну-ка, одождим.

Из дверей сарая выходит Федор Волков. В руках его кисти, декоративные детали, которые он кладет у стены сарая. Вместе с Иваном Нарыковым они трудятся в сарае над оформлением готовящегося спектакля.

Федор Волков. (Говорит, обращаясь к Нарыкову). Ты продолжай мазать. Время дорого. Кисти промой. Облака розовым по краям тронь, а камнями, чем более вглубь, черни, прибавляй и меньше. А я сейчас... (Слушает, как запевала песни вновь заводит ее). Эх, дал же бог голос! Весь вечер звенит. (Подождал к обрыву, сел у дерева, слушает).

Песня:
Что по-над Волгой,
Что по-над кручей
Птица летала,
Перо оброняла.
Красна девица
Шла к перевозу,
Перо сбросила.
Общий припев:
Тянем, потанем,
Хозяину служим,
Взяли, эх, взяли,
Ну-ка, одождим!

Песня переходит в нестройный шум голосов. Это бурлаки сделали последнее усилие, сводя баржу с песчаной отмели, зачаливая ее к берегу.

Федор Волков. Сняли баржу, отчалились... (Снизу слышны голоса: «Зачаливай!», «Отводи корму!», «Эх, барыня-матушка, чтоб тебе!», «Вымотала силуху!», «Эх, лебедь белая!», «Власий, шабашить, что ли, ча?»,

Голос Власия (вожака ватаги). Все, ребята! Все, шабаш!

(Шум усиливается, бурлаки радостно возбуждены. Выкрики: «Гихо, дяволы!», «Клади костер, котел давай!», «Опять же глыбо здесь!», «Выделяется тенористый голосок: «Теперь пшана не жалуй! С Костромой, почитай, без передыху!»).

Голос Власия. Все, ребята! (На пригорке поднимается Власий, богатый-старик, в рваной холщевине, обросший путаной бородой).

Власий. Завтра с утра к обедне ранней, а отомлившись—в кабаки! Дольше никому не дам! День и ночь гуляй, а там, благословясь, до Рыбинску. К Петрову дня быть надобность.

Голос снизу. Жила лопнет, Власий, к Петрову дню! (За Власием на пригорке взобрался бурлак Щегол, остальных бурлаков по-прежнему не видно. Внизу, у реки, плещется отсвет костров, движутся тени).

Щегол. Не лези мне, батько Власий. Закопает меня в кусты, в песочки...

Власий. От Сибирска с нами? Щегол. С него. Власий. Коренной? Щегол. Не. В косных иду, без сроду, без задатку.

Власий. Наломал пути, а не сплюжил. Вертайся, авось... Щегол. Куда вертаться-то? Эка, сзади-то пути-берега что осталось! Все одно уж...

Власий. Одно к одному, верно! Однако Гордеин, хозяин-то... Он, как ворон, закаркает. Своего не упустит, не разочтет. А там, глянь, на сиротских грошах, можа, церковь построи... для спасения души.

Щегол. (печально). Детям гроши свои не донес. На ватагу возьми... на помин души. В загашник вшиты.

Власий. Ладно, поманем. Эх, парень, парень! Голосист ты был, песню вел за всегда.

Щегол. Отпел все песни, батька! Мы, сибирские, долго не живем. А уж бабий век у наших—того меньше... Песню говоришь? Меня за песню Щеголом прозвали, а пятный век короткий. Одни вороны долго живут.

Власий (сурово). К обедне завтра не иди. Ну е! И в кабаки тоже. Можа, отлежишься... (Сходит вниз). (Тенористый голос снизу: «Пшана, говорю, не жадной, а у ты руки трясутся!»).

Щегол. (Сидит на пригорке, обхватив голову руками, покачивается в такт запетой песни. Поет):

Кабы знала, кабы ведала.
Нелюбовь друга милова,
Неприятство друга сердечного...
Ох, не обманула бы, не тужила бы,
По милом друге не плакала...
Не надрывала бы ретивого сердца!

Федор Волков (тихо). Щегол, а Щегол!

Щегол (оглянулся). Ну! Кто тут еще...

Федор Волков. Сторонний. Щегол. Что надобно?

Федор Волков. Давеча, как с переката баржу сымали, ты пел?

Щегол. Ну, я.

Федор Волков. Так. Слушал тебя долго. Ждал, вот здесь. Вон ты какой!

Щегол (равнодушно). Такой и есть... (Продолжает петь).

Кабы знала, кабы ведала,
Белой лебедью по утречку,
Ранней зорькой закричала бы,
Стаю лебединых бы кинула...

Федор Волков. Не лези тебе, Щегол, до Рыбинска.

Щегол (просто). Не лези. Федор Волков. И назад не лези.

Щегол. И назад не лези. Федор Волков. Стало быть, не ходи.

Щегол. Как это? Федор Волков. Ложись сейчас, спи. Утром иди на Пробойную, спросишь, где Волковы жительствоуют. Поживешь у меня, силы наберешься. Там видно будет...

Щегол (Двинулся к Волкову, остановился). Можа, смеешься! На что тебе я?

Федор Волков. Ну уж, смеяться, когда ты... Приходи!

Щегол. Это как же выходит? Федор Волков. Выходит, опять петь станешь.

Щегол. Эх! (Закрыв лицо руками, пауза). Тебя спросит, значит. Ты и будешь Волков?

Федор Волков. Я и буду. Приходи. Придешь?

Щегол (тихо). Приду. (Уходит). Федор Волков (один). Эх, Щегол, Щегол! Птица залетная... Как в сказках старых, Гамаюн-птица... А люди Щеголом зовут. Народ наш улыбчив в провинциях. (Выходит Яков Шумский). Ну, что у тебя, Яша, сказывай?

Яков Шумский (очень оживлен). Сговорился и с Иконниковым и Яковом Поповым, а Кукину—со Скопковым и Алешкой. Все заодно — театр делать!

Федор Волков (смеясь). А старики как?

Яков Шумский. Кто как: есть не сердчат, смеются. Ну, а иные... Затрапезовский шури за мной с вожжами гнался.

Федор Волков. Пускай их. Все равно быть, Яша, в Ярославле театру. Не отступлюсь! И день, и ночь с мыслями об этом.

(Из за пригорка выходит Власий. Слушает).

Яков Шумский. Ребята с тобой заодно. А вот сестрица твоя супротив идет. С нахальством незнамо каким к Кукину привязалась. Многие опуты руками делала. От них у Кукина глаз вспух.

Федор Волков. Матрена-то! Это, да! Как с Унжи появились, начинает мутить — ярится, что ребята с завода строить театр помогают, завтра настил плотничают.

Яков Шумский. Первая помога от них.

Федор Волков. Будет и вторая, и третья... Василий Иванович Майков через отца за нас хлопотет. Песцы привез из столицы. Книгу «О перспективном письме». Я теперь оперу итальянскую «Титово милосердие» переложить хочу на наше понятие.

Певцы из нас, конечно, больше для церковного клироса. Ну, для первых шагов ничего. Нынче вот птицу сыскал... Нет такого голоса в Ярославле! И еще искать надобно. Силы в народе... ух! Вот и будет у нас театр.

Яков Шумский. Нигде нет, а у нас. Знай ярославских! Как бы лишь воевода. Он нынче в предпринят дрались. Я, говорит, Волкова сокрушу...

Власий. (Неожиданно выступает и хрипло декламирует).

Послушай, сын мой любезный. Сидел ты три года в пустыне, Морился голодною смертью, Надумался ли ты там?

Вернешь ли нашим кумерическим богам, Золотым истуканам?

Яков Шумский. (В испуге свалился с пенки, на котором сидел). Ой, мать честная! Это что ж такое? Власий (повторяя грозно):

Вернешь ли нашим кумерическим богам,

Золотым истуканам?!

Яков Шумский (в испуге). Верую. Ей-богу, дяленька, верую!

Власий. То-то!

Федор Волков. А, батька Власий... Это ты что же? Из «Царя Максимилиана» хватил?

Власий (смеется). Оно самое. Знаешь? То-то! Слушаю вас, эге, думаю... комедийщики. Знакомое дело. Сами ребятами по купечским домам ходили, «Царя Максимилиана» представляли. Давно было... Тогда мне борю из мочалы подвязывали, а теперь вон она, своя. Не хуже мочальной.

Федор Волков. И слова сберег, не растерял...

Власий. Не. И за сына, как его — Альфреда, упомянул:

...Не верую я! Ваши кумерические боги Повергаю себе под ноги, В грязь топчу, Веровать не хочу!

Федор Волков. Хорошо, старик! Вон, Яша, богатырь какой. Лохматый, натруженный, а сквозь жизнь пронес свое любимое.

Яков Шумский (в сторону). Напугал до смерти.

Власий. Не одна же бечева бурлацкая навек дадена. Так-то, голуби... (помолчал). Ты, стало быть, Волков?

Федор Волков. Стало быть.

Власий. Сироту мою бурлацкую, Щегла, пригреть хочешь?

Федор Волков (подойдя к Власию). Налобно, отец. Пропадет!

Власий. Верно, пропадет! Бери с богом! Сколько я их похоронил без креста, без камня по всей матушке Волге... (Пауза). Пойду. Умаялись сердешные. У нас завтра гуляба. Бурлак, что сиротка: когда в рубашке, тогда и праздник.

Федор Волков. В Ярославле-то гулявали когда?

Власий. Не без этого. Места знакомые. Вона, сарай-то кожевняный, заводской...

Федор Волков. Был кожевняный.

Яков Шумский. А будет теперь театром!

Власий. Вона! (Пауза). Лет тридцать тому назад... я богу душу чуть не отдал в нем.

Федор Волков. Как это?!

Власий. В колодах нас всех привезли с-под Рыбинска. Заперли в него. Запленные мастера над нами трудились в две плети да в три колоса с ремнями. Места знакомые! (Уходит).

Федор Волков. Вот так дел!

Яков Шумский (воодушевленно вскакивая). Пойдем, слышишь, пойдем! Достраивать надо. Ишь, какое дело! Ярославль спит себе, а нам работы за всех хватит.

Федор Волков. Верно, идем. Там Ваня Нарыков торопится. Да и мне доделывать надобно.

(Уходя, Волков забирает вынесенные им декоративные детали).

(Входят Мокроплюев и Гордеин).

Гордеин. Говорю, доподлинно сведано, о будущем годе аккурат в эти дни — конец света будет.

Мокроплюев. Лавку-то, дяля Сампсон, прикрывать стало-быть? Какая ж торговля при этакое...

Гордеин. Прикрывать! Баранья голова. Конец света торговли не касается! Вон (кинул на сарай) про них речь... Скоморошья потеха к чему ведет, а? А что, Мокроплюй, ежели бы вы с Алехой... комедиянтам рожу их бесовскую... Ничего не пожалю для святого дела. Потому, пойми, ноне вон бурлачье привели сюда мою баржу. Одной кожи там на три тыщи... Сарай этот у Матрены, сестрицы Волковской — дуры, прости господи, совсем было приторговали и на, поди—комедь! Думать можешь?

Мокроплюев. Это нам што. Всегда, ежели не обидишь. (Оба уходят. Из сарая выносятся декоративное облако и бутафорские вещи, выходят Яков Шумский, Иван Нарыков и Федор Волков. Все трое веселы и возбуждены).

Федор Волков. Давай облака по кустам клади. К утру обсохнут. Молодец, Ваня! Много нынче сделали.

Иван Нарыков. Ох, еще забота...

Яков Шумский. Это уж не забота! Радость одна. Завтра их подвешивать станем.

Иван Нарыков. Посадские с Тверицы, что Сколков с собой привел, загалдели. что лучше их никто по облачному делу не может.

Федор Волков. Это почему же?

Иван Нарыков. Огородники, приехали за дождем в небо смотреть!

Федор Волков. Ну и пусть, коли им на радость.

Яков Шумский. Ну, да... А пренебрежительно в «Покаянии грешника» делать кому? Из Фроловского болота чертей скликать? (Появился Мокроплюй). Вона! Один уже легок на помине.

Мокроплюев. Прохлаждаетесь! Скоморошья потехи к чему ведут...а? Конец свету будет, а вы чего деете! (Кричит за кулисы). Алеха, иди сюда! Мы об вас сейчас постаремся.

Яков Шумский. Иди, иди. Торгуешь чумным мясом и не лезь!

Мокроплюев. Это што-то! Это ты мне сочувствуешь?

Федор Волков. Иди, иди! А то кликну ребят, они тебя...

Яков Шумский. Ты, Мокроплюй, сядь! Обожли. Я за ребятами сейчас сбегаю.

(Показывается Власий).

Мокроплюев. Нам ждаль недосуг. Может, вас десятка три наберется.

Федор Волков. Что—три! Тысячи десятков соберутся!

Мокроплюев (недоверчиво). Ты скажешь!

Федор Волков. Эх, Мокроплюй, Мокроплюй, что от тебя останется... Мокроплюев (в отчаянии). Так ведь конец свету, а вы!

Федор Волков. Не свету, темноте твоей конец.

Мокроплюев. Ты меня не уговаривай! (Кричит). Алеха!

Власий (вступая). Это кто тут слотку дерет? Ребятам моим малым покоя нет... а?

Федор Волков (смеется). Вот, вот... Идут уже тысячи, Мокроплюй. Глянь, за ним сколько. Сейчас тебе перья из хвоста долой!

Мокроплюев. Вона, леший какой! Нечистая сила! Дай бог ноги унести. (Убегает).

Яков Шумский, Иван Нарыков (бегут, дурачась, за ним). Держи Мокроплюй!

Федор Волков (Власию). Чего не спишь, отец?

Власий. С устатку. Молод был — измучаешься, спишь, не добудятся. А теперь — иное! Да и ты растревожил... Вспомнить хотел, на што силу свою растерял. Не смог! Дело наше какое! В бечеву впрягся—назад не гляди... с шагу ребят собьешь. Так вот и не вспоминай, не оглянулся...

Федор Волков. С Рыбинска пойдешь, приходи театр смотреть. Гостем дорогим.

Власий. Приду. (Пошел, остановился, оглянулся). Приду! (Прислушался, снизу слышен сердитый голос Гордеина). Кажись, хозяин наш шумит. С чего бы? Пойду!

Федор Волков. (Один. Подошел к сараю-театру, гладит рукою стены). Ну что, старик, затих! Задумался? Шершавы стены твои, неласковы. Горем да слезой пропитаны... Колыбель наша! Детство, смотри, наше обереги!

(Снизу, с берега, поднимаются Гордеин, Власий, Щегол).

Гордеин. Я тебя што? Из крепости, беглого от помещика вызволил. Записал на мертвого... Тебя мертвым именем прикрыл. Задаток дал! А ты ноне благодетеля своего в расход заводил!

Щегол. Ты, хозяин, не сердчай — смерть подходит! А смерть, она, кому ни привалится—все расход!

Гордеин. Где смерть? Чего смерть! Этак вы все помирать зачете. Один, другой... А баржа стоит! Хозяину убыток. В лямку, нето гляди!

Власий. Ты, хозяин, не того. Лямка силы, всех требует, нарушит один — вся ватага на износ... Отпусти Щегла, выживет, на обратный путь с Рыбинску опять тебе работник.

Гордеин. А отсель до Рыбинска нанимать заместо его? Опять Гордеин, благодетель наш, из последнего траться. Не бывать тому!

Федор Волков (выступая). Не бывать! На мертвого беглого, говоришь, записал? Мертвым именем... указы государевы обходишь! Ноне, говорят, подьячие за то из купцов достаток их тяжбами да повывтыями вытряхивают.

Гордеин. Ты что это? Ты хоть и комедиянт, а все же наследник-заводчик! Как же ты против своего роду-племени идешь?

Щегол (обхватив голову руками). Ворон... ворон...

Федор Волков. Не трожь Щегла! Слышишь! Дай жить человеку. Сам пойду в магистрат, объявлю на тебя.

Власий. А я с тобой заодно пойду. Пока суть да дело, баржа у бережку постоит. Отдохнет сердешная.

Гордеин. Ну и што ты, Федор Григорьевич! Невнядала какая. Все так... ну, и я! Дело такое, иначе — не резон. Подьячие, они—тыфу! Надобен он мне... Пушайдохнет. (Уходя, оставил). А только гляди, Федор, против своего племени пошел... Я к митрополиту Арсению дойду. Он ты благословит. (Поспешно уходит).

Федор Волков (подходя к сидящему Щеглу). Щегол, а Щегол!

Щегол (думая о своем). От берега к берегу вода. По берегам бурлак... а жизнь, как вода,—мимо... Как звать тебя, Волков?

Федор Волков. Федором.

Щегол. Спасибо тебе, Федор. Пуглива птица Щегол, рук ласковых требует, а мне с самого гнезда за всю жизнь лишь... вон Власий, да ты... Так и богу скажу на суде его, ежели спросит.

Федор Волков. Не робей, еще отогреешься!

Щегол (поднимаясь). Пойду. Хозяина нашего оберегаюсь... Ворон!

Федор Волков. Придешь завтра, Щегол?

Щегол (после паузы). Приду. Не нынче, так завтра... А можа, приду! (Уходит).

Власий. Это он верно молвил. Хозяина нашего поопасайся. (Далеко за Волгой слышится песня девушек). Слышишь поют. Может, его, Щегола, вы песни... Народ на память бережлив. Бурлак ведь как? И хоронят его ни для кого не ведомо где. Чтобы ватагу не замыкали, судами не засудили... Одна ватага, народ один бережет безмянну, без креста могилу... в памяти своей.

Федор Волков. Нет береженья лучше такого, отец!

Власий. И не будет... Пойду к ватаге. У меня щегол-то этих... еще нещадать! (Уходит).

Федор Волков (один). Народ на память бережлив! (Взошел на пригорок, смотрит на Волгу). А звезд-то, звезд сколько в воде плещется. Хоть ладонями вычерпывай... Хорошо!

НА ВОЛГЕ ШИРОКОЙ...

